

*Моим родителям,
которые твердо в меня верят
и послужили прообразом.*

*Я безмерно благодарна за первое, и, надеюсь,
другие родители вам соответствуют*

НОВЫЙ КОЛОСС

Эмма Лазарус

Не бронзовый Колосс греков славы,
Победно возвышаться должен
В лучах заката наших врат, омытых океаном,
А женщина с могучим станом
И факелом, огонь в который заточен.
И имя ей Мать Изгнанных. Рука ее — маяк,
Чей свет весь мир приветствует. А мягкий
взгляд,
Над гаванью меж двух градусов главенствует.
«Оставьте ваши земли древние,
Прославленные великими легендами, —
кричит она безмолвно, —
А мне отдайте ваш народ, что свободы
жаждет вдох,
С полных берегов — изнеможенную,
измученную и бедную толпу,
Шлите мне лишенных крова, бурей гонимых,
Я осветю им путь к двери золотой!»

ГЛАВА I

6 апреля, 1958

Я попытаюсь объяснить.

Сомневаюсь, что у меня получится. Я не привыкла давать тебе объяснения. Может, потому что обычно мы понимаем друг друга с полуслова. Я воображаю нас двумя розами на одном стебле. Мы одни против целого мира, окружены иголками и готовы уколоть любого, кто отважится приблизиться.

Но я кое-что осознала: в некоторых вопросах мы всегда будем придерживаться разных точек зрения, потому что находимся в разных обстоятельствах. Ты относишься к своей семье совсем иначе, нежели я, потому что родом из более удачного, более счастливого мира. Иногда я тону в зависти от того, что ты воспринимаешь свою семью как должное.

Я тебя люблю. Страстно. Неистово. Иногда любовь к тебе — единственное, что помогает мне не сдаваться.

Но романтическая любовь не единственное и не самое главное. Я вижу, как на этих словах ты кагаешь головой, но... прекрати. Даже если ты не согласен, поверь: я верю в это. Я ценю иные виды любви так же высоко, как и саму любовь. Ты не рыцарь, а я не твоя дама, и мир не вращается вокруг нас. Я люблю и желаю тебе, но мои желания и правое дело не всегда совпадают. Раньше тебе не приходилось размышлять об этой разнице (ты и сам это знаешь), но, пожалуйста, подумай сейчас. Я делаю правильный выбор.

Я люблю тебя.

Но своего решения не изменю.

Самое моего детства маме нравилось играть в чудаковатую версию «Что ты выберешь?». Это происходило, когда она забирала меня от моих подруг: от Нико, чья мама пекла пирожные моти¹, или от Хейли, мама которой вязала шарфы. «Ты бы выбрала маму Нико или меня? Ты бы выбрала маму Хейли или меня?» — спрашивала мама.

Даже во время наших самых жутких ссор я понимала, что пересекать эту черту нельзя. Ссоры между дочерью и матерью превратились в своего рода искусство: я знала, как отразится каждый обмен колкостями и куда целиться. Но даже когда я метала слова, что могли пролить кровь, я никогда не делала этот выстрел. Он был уязвимым ме-

¹ Моти — японский десерт, рисовое пирожное.

стом в черепе, водой для Бастинды, не покрытой броней пятой Ахиллеса. Бить в это место можно, только если собираешься убить.

— Тебя, — всегда отвечала я, когда мы уходили с подстриженной лужайки Нико, или спускались с крыльца Хейли, на котором развевался красно-бело-голубой флаг. — Я выберу тебя.

Звонок в дверь раздался в самый разгар бури.

По карнизу стучал дождь, практически заглушая звук дверного звонка. По витражам в французских дверях стекали струи воды, отчего дворик и лес превратились в расплывчатые пятна зеленого и коричневого цвета. Март в Новой Англии официально считался весенней порой, но на деле погода стояла холодная, мокрая и темная.

Я сидела на диване, поджав под себя ноги, и читала «Ребекку» Дафны дю Морье. Из-за готического романа и непогоды я была взбудоражена, несмотря на яркий свет в комнате и кружку с горячим мятным чаем. Родителей не будет дома еще несколько часов — они уехали на общественное собрание, которое в их мире в общем-то можно расценивать как свидание. Мой брат Дэйв остался с ночевкой у лучшего друга. Мама переживала, что оставляет меня дома совсем одну, но я выпроводила их с папой прочь. Родители заслужили выходной. К тому же мне нравилось оставаться дома наедине с собой.

В основном.

Пока я сидела, вжавшись в диван и сжимая в ладонях книгу, снова раздался звонок в дверь, и у меня заколотилось сердце. Никто и никогда не посмел бы попенять мне на здравомыслие («У тебя *немножечко* буйное воображение», — частенько говорил папа, держа указательный и большой пальцы на малюсеньком расстоянии), но, положив руку на сердце, давайте признаем: кто бы не задумался, что звонок в дверь во время грозы предвещает визит серийного убийцы?

Я отказываюсь становиться легкой добычей для своего предполагаемого насильника. Я зашагала к входной двери и, прижавшись спиной к стене, выглянула в окно. На подъездную дорожку медленно въехал грузовик, и свет фар пронзил пелену дождя. К кабине метнулась фигура и быстро туда вскочила. Грузовик сдал назад и резво умчался в темноту.

Ох. Класс.

Тревога утихла, и я открыла внутреннюю дверь в коридор — крохотное холодное помещение, где мы хранили зонты и сапоги. Поджав пальцы, я зашагала по холодному каменному полу. Я быстро отперла входную дверь, и в лицо хлестнул сырой ветер. Деревья перед домом раскачивались из стороны в сторону. На крыльце стояла промокшая под дождем коробка. Я схватила ее и вернулась в дом, заперев обе двери и отнеся коробку в гостиную.

Доктору Карен Коэн, 85 Оук-Роуд, Саут-Хэдли, Массачусетс, гласил адрес.

Маме.

Отправитель: Чедервуд-Хаус.

Теперь понятно. Из дома престарелых недавно сообщили, что отправят коробку с вещами бабушки, найденную во время уборки в ее шкафу. Я могла дожидаться, когда мама вернется домой, и открыть вместе с ней. Так бы и поступила менее любопытная и более вежливая дочь.

Или...

«Получила коробку с бабушкиными вещами. Сообщу, если в ней хранятся тайные сокровища», — написала я.

Я разрезала скотч ключом из ящика со всяким кухонным барахлом. Коробка распахнулась, открыв поспешно написанную записку из дома престарелых и сверток в коричневой бумаге. А вот теперь я засомневалась. Этот перевязанный бечевкой пакет принадлежал бабушке, и она упаковала его задолго до того, как о нем позабыли. Я осторожно потянула за хрупкий узел, а потом развернула обертку. Прямо посередине лежало настоящее сокровище — пачка конвертов, все на имя Рут Голдман. Девичья фамилия бабушки.

Меня охватило сильное любопытство. Внутри могла оказаться куча интересной информации. Мы очень мало знали о жизни бабушки, особенно о ее жизни до встречи с дедушкой. Рут Голдман вместо Рут Коэн. Кем же она была?

Я опустилась на колени на пол гостиной и веером разложила конверты, восхищенно глядя на плотную пергаментную бумагу и чернила, пропитавшие тонкое бумажное полотно. Примерно пятьдесят конвертов, на которых был указан адрес — Нижний Ист-Сайд.

Но на конвертах не было обратного адреса.

Я взяла первый и вытащила письмо. Бумага была исписана аккуратным наклонным почерком.

Моя дорогая Рут. До сих пор не могу поверить, что ты уехала. Я постоянно смотрю в окно в надежде, что к дому подъедет машина, а ты выйдешь и скажешь, что совершила ошибку. Пожалуйста, возвращайся поскорее домой.

«Дедуля», — подумала я, хотя стиль письма совсем не походил на хрипловатый голос моего веселого дедушки-немца. Я скользнула взглядом в правый угол. Первое июня 1952 года. Бабушке было тогда восемнадцать. На год старше меня.

Я перевернула письмо в поисках подписи. *С любовью, Э.*

Дедушку звали Максом.

Я открыла второе письмо.

Моя дорогая Рут.

Минуло слишком много времени с нашей последней встречи. Вчера я гулял по саду и, увидев розы на трельяжной сетке, вспомнил об украдкой сорванных

поцелуях. Теперь я даже смотреть не могу на лоджию, не вспоминая, как по ней ходила ты...

Ого. Самое романтическое письмо, которое я получила, было сообщением от Мэтта в прошлом году: «Бал выпускников: Да/нет?»

Неудивительно, что отношения с ним изжили себя.

Я отправила маме фотку писем с кучей текста.

Я: Оказалось, что в коробке **ЛЮБОВНЫЕ ПИСЬМА**. От какого-то парня с именем на «Э».

Как думаешь, может, до встречи с дедушкой у бабушки была величайшая любовная связь?

Наверное, мама поставила телефон на вибровзвон, потому что тут же ответила.

Мама: Что ты подразумеваешь под любовными письмами?

Я: Тут прямо настоящий высокопарный слог. Они начинаются как «Моя дорогая Рут».

«Минуло слишком много времени с нашей последней встречи»

!!!

Мама: Может, тебе не стоит их читать?

Я: ха-ха-ха

Мама: Дождись меня!!!

Я: извини, нет. Перешлю тебе самое интересное.

Мама: от кого они

Серьезно, у мамы ужасное понимание прочитанного и ужасная пунктуация. Для чего мне ходить в школу, если взрослые не умеют писать?

Я: понятия не имею, от какого-то парня по имени Э. Пошла читать дальше, занимайся взрослыми делами.

На улице хлестал дождь, а я дома с головой погрузилась в чтение писем. Письма Э. ясно давали понять, что бабушка переехала в Нью-Йорк и полюбила его, хотя он со скепсисом относился к тому, что кто-то искренне мог наслаждаться этим городом. Мне попадались разные отрывки.

*Мою мать не касается то, чем мы занимаемся.
Пекарня, Рут? Ты уверена?*

Он писал о том, что рисовал океан: «Рад сообщить, что мои попытки повторить Моне стали сносными, хотя сомневаюсь, что мне с точностью удастся изобразить свет моря, даже если я буду рисовать всю оставшуюся жизнь. И все же не беспокойся, я обдзан не ударить лицом в грязь. Чердак

так и ждет, когда его забудут мои милые толкми потугами».

Но чаще он говорил, что скучает по ней. Он писал, что скучает по ней в саду, на пляже, в беседке. Его словно охватили сотни воспоминаний о ней. Он писал: «*Без тебя Нантакет больше не похож на Нантакет».*

Нантакет.

Это название воскресило в памяти островок у Кейп-кода. Кейп – это изогнутая ветвь национального побережья и небольших городков к югу от Бостона. Но Кейп и острова были типичным местом отдыха для семей из Массачусетса, а бабушка большую часть жизни прожила в Нью-Йорке. Когда она успела побывать на Нантакете?

Я нетерпеливо перескочила к последнему письму. Да, я была из тех, кто иногда начинает с чтения последней страницы книги. Обо мне нельзя было сказать, что я хорошо борюсь с любопытством. Письмо было коротким и оказалось датировано третьим мая 1958 года, почти через шесть лет после первого.

Я не стану отправлять отзерелье почтой. Если хочешь его забрать, возвращайся в «Золотые двери» и поговори со мной.

– Э.

И, проклятье, Рут, не смей говорить, что дело не в твоей чертовой гордости.

Меня охватило удивление. Что произошло? В какой момент в эти романтические письма просочился гнев?

Сама виновата, стоило читать по порядку. В надежде получить объяснения, я открыла предпоследнее письмо.

Разве нельзя поговорить об этом лично? Телеграфист больше не соединяет с тобой. Ты слишком юрдая, а зря.

Боже, телеграфист. Какая древность.

В предыдущем письме:

Рут, ты ведешь себя нелепо. Я сяду на следующий паром до материка.

Не делай глупостей, пока я не доеду. Я люблю тебя.

Эдвард

По затылку побежали мурашки. Опустив письмо, я устала на французские двери. Дождь утих и перестал размывать лес, который виднелся из нашего заднего двора. Высокие дубы и сосны устремились в небо, их стволы почернели от влаги. В этом году зима стояла суровая, и даже сейчас, в середине марта, мне с трудом представлялось, что в ближайшем будущем я снова почувствую тепло. Мне с трудом представлялась и бабушка в восемнадцатилетнем возрасте. «Ты слишком

горда», — утверждал автор письма. Разве бабушка была гордой? Элегантной, да. Умной, пытливой и немного грустной, немного придиричливой. Но гордой?

Хотя откуда мне было знать? Я ведь даже не знала, что бабушка бывала на Нантакете. И уж точно не знала, кем ей приходился этот Эдвард, или какое ожерелье бабушка хотела вернуть, или почему она вообще бросила того человека.

«Возвращайся в «Золотые двери», — писал Эдвард. Я открыла ноутбук и принялась печатать.

Через несколько часов распахнулась дверь, и по дому эхом разнесся мамин голос:

— Эбби?

— Я тут!

Она зашла в гостиную и накинула на спинку кресла свое пальто. Следом вошел папа. Он перевесит ее пальто потом.

— Ты еще не ложились.

— Как прошла встреча?

— Эм, нормально. Чем занимаешься? — Мама плюхнулась рядом со мной. Папа поцеловал меня в макушку и ушел на кухню заваривать чай.

— Кажется, я все выяснила. — Я протянула маме письма. — Они подписаны именем Эдвард и указывают на место под названием «Золотые двери». Так называется дом на Нантакете. Нынешнего владель-

ца тоже зовут Эдвард, и в пятьдесят втором году ему было двадцать два, а бабушке — восемнадцать. Она могла провести с ним лето на Нантакете.

— На Нантакете? — Мама пролистала письма. — Но она ни разу не упоминала, что бывала на Нантакете.

Я лукаво посмотрела на маму.

— Разве ты не должна знать о человеке, который мог бы написать «моя дорогая Рут»?

Она слегка толкнула меня плечом.

— А с каких пор дочери допытываются у матерей насчет их личной жизни?

— Грубо. Я ведь знаю о твоём школьном бойфренде и парне, с которым ты путешествовала по Эквадору после колледжа. — Я показала пальцем на экран ноутбука, где был открыт сайт компании. — Я хотела написать и попытаться выйти на него.

Мама взгляделась в экран.

— Они имеют какое-то отношение к «Барбанел»?

— Ты знаешь о них?

— Это одна из крупных бухгалтерских фирм.

— Да, интернет так мне и показал. Но чем конкретно занимаются бухгалтерские фирмы?

Мама засмеялась.

— Они проводят консультации по вопросам финансов, занимаются аудитом и налогами.

— Выходит, они не просто связаны с той фирмой, они ее основали. Это их компания. Эдвард, о котором я говорю, — Эдвард Барбанел.

Мамины брови резко взлетели на лоб.

— Весьма неплохо. Объясняет дом на Нантакете.

— Думаешь, ничего, если я попробую с ним связаться?

Мама замешкалась.

— Зачем?

— Что значит «зачем»? Он знал бабушку в юности. Он может знать все что угодно — например, какую-то информацию о ее семье.

— Эбби... Бабушка была очень маленькой, когда покинула Германию. Она практически ничего не знала о своей семье. Откуда об этом знать чужому человеку?

— Потому что они были влюблены! И, может, она рассказывала о них, когда была юной. Может, в письмах, которые ему отправляла, она писала о своей семье или родном городе.

— Не хочу, чтобы ты понапрасну надеялась узнать что-нибудь о семейной истории.

— Ну ладно, хорошо. Но даже если я ничего не узнаю, тебе не кажется странным, что она ездила на Нантакет и никогда об этом не рассказывала? Не странно ли, что она влюбилась в какого-то богатея, а мы никогда о нем не слышали? И почему какой-то обеспеченный парень украл ожерелье?

Я знала основную версию жизни своей бабушки. В четыре года она покинула Германию, сначала отправилась во Францию, потом на пароходе

в Штаты. Ее приняла еврейская семья из северной части Нью-Йорка, где она прожила до восемнадцати лет, а потом переехала в город. Она вышла за моего дедушку, тоже немецкого еврея, вернулась на север, родила троих детей и удалилась в Уэст-Палм-Бич. Овдовела.

У нее началась деменция. Она переехала в дом престарелых. Перестала узнавать свою семью. Умерла.

Единственный раз я видела маму плачущей, когда нам позвонили с новостями о смерти бабушки.

— Разве это важно? — сказала мама. — Если бы бабушка хотела, чтобы мы знали об этом человеке или Нантакете, она сама бы нам рассказала.

— Чушь. Ты просто злишься, что она тебе не рассказала, поэтому притворяешься, что тебе все равно.

Опешив, мама посмотрела на меня и поцеловала в висок.

— Спасибо за диагноз, доктор Шенберг.

— Ты же знаешь, что я права. Так что, не возражаешь, если я попробую с ним поговорить?

— Попробуй.

На следующие несколько дней я с головой погрузилась в жизнь Эдварда Барбанела. Он превратил «Барбанел» из местной успешной бухгалтерской фирмы, которая в пятидесятых годах уже насчитывала историю в сотню лет, в крупную многонациональную организацию. Хотя она по-преж-

нему принадлежала частному лицу. Судя по объявлению о свадьбе в «Нью-Йорк таймс», Эдвард женился в том же году, когда отправил последние письма бабушке, написав: «Не делай глупостей. Я люблю тебя». В день своего восьмидесятилетия он передал управление компанией сыну.

Оказалось, очень-очень сложно связаться с председателем правления непомерно богатой компании. Письма по электронной почте, звонки, личные сообщения — ответа я так и не получила. Однако было бы желание.

— Я поговорила с мисс Чаудхари из библиотеки, — сообщила я родителям за завтраком через две недели после того, как нам доставили коробку. — Ее невестка знакома с человеком, у которого есть друг семьи, дочери которого принадлежит книжный магазин на Нантакете. Она сказала, что попробует найти мне там работу на лето.

Мама чуть не выплюнула кофе.

— Чего?

— Какой длинный список, — заметил папа. — Ты всех запомнила или кое-кого придумала?

— Раз уж мне не удастся связаться с Эдвардом Барбанелом, поеду к нему сама.

— На все лето ты на Нантакет не поедешь.

Папа вздохнул:

— Никто никогда меня не слушает.

— Почему бы и нет? Мне нужна работа на лето.

— Не на Нантакете! — Мама повысила голос на несколько децибелов. — Тебе не кажется, что это

немного слишком? А как же библиотека? Тебе ведь нравится там работать!

— Подумай, какое отличное эссе для колледжа получится. Ты же знаешь, какая высокая конкуренция за стипендию.

Для частного колледжа мне была нужна полная стипендия. И хотя у меня были приличные оценки, хорошее эссе даст преимущество над другими. Тем более, если я продемонстрирую, насколько сильна моя преданность изучению истории, ведь все лето я разбиралась в истоках своей семьи. Надеюсь, подобная самоотверженность впечатлит приемную комиссию, потому что, откровенно говоря, мне это необходимо. Стипендии для будущих историков не раздают направо-налево.

— Солнышко...

Ладно, возможно, я вообще не получу стипендию, но слышать об этом не желаю.

— Нико, Хейли и Брук все равно уедут на лето. Какой смысл торчать дома?

Мамино лицо прояснилось, словно до нее вдруг дошло.

— Дело в Мэтте? Эбби, я понимаю, что ты расстроена...

— Господи, мам, не все вращается вокруг этого тупого мальчишки!

Однако, надо признать, я действительно не хотела сталкиваться с Мэттом, особенно после того, как он, порвав со мной, снисходительно предложил «вести себя как обычно».

Папа благоразумно взял чашку и удалился из комнаты.

— Уверена? Ты прочитала письма через две недели после расставания с Мэттом. Ты на них зациклилась. От себя не убежишь, Эбби.

Внутри все сжалось, тисками сдавив живот до боли.

— Не хочу это обсуждать.

— Эбби, милая... — На мамином лице отразилась нежность, и она потянулась ко мне.

Я отшатнулась от нее.

— Мне семнадцать. Я могу себе финансово это позволить и все равно в следующем году уеду в колледж. Я ничего опасного не делаю.

— Я не понимаю, почему это так тебя волнует!

— А я не понимаю, почему это не волнует тебя!

Это же огромный пробел в жизни бабушки.

— Почему бы нам не найти компромисс и не уехать на выходные?

— Мам, я не хочу проводить лето здесь!

Она застыла и издала тихое и простое:

— О.

Я тут же пожалела о своих словах. Мы с мамой были очень близки, и эмоции друг друга производили на нас сильное впечатление.

— Извини. Просто... мне хочется побольше узнать о бабушке. А тебе нет? Неужели ни капельки не любопытно?

Мама передернула плечом, напоминая этим жестом свою мать.

— Она мне не рассказывала, поэтому я не знаю, почему мне стоит интересоваться.

Я не купилась на ее беспечный вид. «Ты чересчур гордая», — писал Э. Может, не только бабушка оказалась гордячкой.

Всю свою жизнь я наблюдала, как обидно было маме, когда бабушка отказывалась отвечать на ее вопросы. Их отношения, в отличие от наших, были натянутыми, полными напряженного молчания и фраз «неважно» и «как ужасно». Может, мама и вправду верила в то, что сказала: может, если бабушка не хотела ей рассказывать, она и не хотела знать.

Но я в это не верила. Я знала свою мать и видела ее взгляд, когда мы читали письма. Бабушка очень, очень много значила для мамы. И хотя она была слишком гордой, чтобы рыться в прошлом своей матери, мне не пришлось притворяться равнодушной. Я могла сделать это за нее. Поехать на Нантакет. Разыскать Эдварда Барбанела. Узнать бабушкино прошлое.

Да и, в принципе, разве могли родители помешать? Приятная работа на лето в приятном книжном магазине в приятном городе. У одной маминой коллеги даже оказалась тетя на Нантакете, у которой можно было снять комнату (или хотя бы кровать, если я не против жить с соседкой). Поэтому родители отвезли меня в Хайаннис на паром. Дэйв тоже поехал, но в основном играл в видеоигры. Мама беспрестанно спрашивала, не

забыла ли я зубную щетку, витамины и свой крем от прыщей, пока я не рявкнула, что я не идиотка. Мама тут же погрузнела, а я почувствовала себя чудовищем. Родители стояли на причале и смотрели, как я уезжаю. Папа обхватил маму за плечо, и она прислонилась к нему. Впервые они казались маленькими. Они махали и махали, и я махала в ответ, не зная, что случится, если отвернусь первой, и хорошо это или плохо, разрывать пуповину.

ГЛАВА 2

Быстроходный паром рассекал воды Атлантического океана. Я подняла голову и прикрыла глаза, наслаждаясь согревающим кожу теплом и мелькающими от солнца красно-золотистыми пятнами. От дуновения соленого ветра волосы взметнулись вверх, а потом угодили мне в рот. Меня окружал яркий лазурный мир — лишь бескрайний океан и безоблачное небо.

Открою маленькую тайну: мама была права. Я убежала.

Трудно остановиться, когда именно неизвестность делает тебя счастливее. Я могла все бросить: у меня не было ни ожиданий, ни новых надежд. Окружающий мир полон возможностей. Я могла начать заново. Могло произойти что угодно. И что-то обязательно произойдет.

И в идеале это отвлечет мое внимание от Мэтта.